

НОВОСТИ НАУКИ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.706

Обзор методологических подходов к анализу трансформации аграрного рынка труда в современной России

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-111-50370

Ссылка для цитирования: Муханова М. Н. Обзор методологических подходов к анализу трансформации аграрного рынка труда в современной России // Вестник Института социологии. 2021. Том 12. № 1. С. 195–214. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.706.

For citation: Mukhanova M. N. Review of methodological approaches to the analysis of the transformation of the agricultural labor market in modern Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 195–214. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.706

**Муханова
Мария Николаевна¹**

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

mukhanova_m@rambler.ru

AuthorID ПИНЦ: 169610

Аннотация. Статья посвящена отечественным исследованиям трансформации аграрного рынка труда в постсоветский период. Исследователи российского села отражают свои результаты в публикациях в основном описанием проблем, связанных с российским селом и аграрным рынком труда: разрушения инфраструктуры на сельских территориях, бедность, безработица, взаимодействие старых и новых субъектов производства СХО, КФХ, ЛПХ и агрохолдингов, потери связи крестьян с сельхозпредприятиями, их модели адаптации и трудового поведения. Эти процессы послужили методологическим сопровождением анализа и эмпирическим свидетельством того, как осознанно крестьяне изменяли социальные и трудовые практики под натиском институциональных трансформаций и модернизации сельского хозяйства. На основе выбора рациональных моделей поведения на рынке труда они трансформировали социальную структуру села под давлением ценностей рыночной экономики, новых правил и норм институциональных требований. Современные процессы в АПК в условиях трансформации собственности способствовали формированию новой аграрной структуры, сконструированной новыми субъектами (актерами). В многоукладной экономике взаимодействуют новые и старые субъекты производства. Они являются важными «игроками» на институциональном поле аграрного сектора, влияя, таким образом, на социально-структурные процессы на рынке труда. Это определило новую конфигурацию социальных групп сельского населения, занятых в формальном и неформальном секторах.

Ключевые слова: российское село, исследователи, рынок труда, теоретико-методологические подходы, субъекты сельскохозяйственного производства, агропромышленный комплекс (АПК), социально-структурные процессы, институты

Рыночные преобразования привели к масштабным изменениям социальной структуры российского общества. В числе прочих трансформаций можно отметить и то, что качественно изменились социально-экономическое положение и статус большинства сельских жителей. Новое поколение селян выросло в условиях специфичности момента сельского мира, когда уходят традиционные формы хозяйствования и исчезают привычные контуры социальной структуры села. По данным сельскохозяйственной переписи 2016 г., количество занятых в сельском хозяйстве в РФ сократилось с 10,5 млн в 1990 г. до 1,3 млн в 2016 г. Эти процессы радикально изменили социальную структуру села, основанную на изменении отраслевой занятости в АПК [21].

Насколько важно развитие сельского хозяйства, показали условия чрезвычайной ситуации в мире (например, пандемия). Поэтому, когда возникли риски, обуславливающие поведенческие практики ажиотажного спроса среди населения, только заполненные необходимыми сельхозпродуктами закрома остановили этот процесс. Сегодня РФ является самым крупным поставщиком пшеницы и круп на мировой рынок, и спрос на её экспортную продукцию растёт. Это говорит о том, что АПК в таких дестабилизирующих условиях, как пандемия, характеризуется устойчивостью и способностью к мобилизации.

Каким образом исследователи осуществляли методологическое сопровождение исследований, насколько их анализ адекватно отражал реальность аграрного рынка труда и социально-структурные процессы российского села, каков их вклад в аграрную социологию? Ответы на эти вопросы позволят прочувствовать моменты, увидеть признаки конструирования будущего облика сельских территорий и дальнейшие пути их исследования как одной из ключевых сфер национальной безопасности страны.

В статье представлен обзор публикаций в рамках аграрной социологии, выполненных на междисциплинарном уровне, а также анализ методологической базы исследований в области изучения аграрного рынка труда в России в постсоветский период. Обзор методологических подходов к анализу аграрного рынка труда формировался на исследовательских практиках, основанных на методологии, соединяющей аналитические и экспертные, количественные и качественные методы исследования. Это позволило выявить модели социального и трудового поведения сельского населения, характерные для них типы социального действия, детерминирующие динамику изменения социально-структурных процессов на аграрном рынке труда.

Российские исследователи в качестве методологического сопровождения для анализа процессов рынка аграрного труда привлекают не только отечественные, но и зарубежные труды П. Бурдьё, А. Шюца, К. Поланьи, Д. Редфилда, Д. Норта, Э. де Сото, Р. Бачинича и др. Это говорит о том, что проблемы российского села являются частью общемирового аграрного процесса.

Выбор исследовательских подходов для анализа аграрного рынка труда основан на нескольких методологических посылах. Используемые методы демонстрируют содержание тех или иных явлений, верифицированных в количественных оценках, которые проявляются как типичные в процессах, конструирующих реальность российского села. На количественные оценки явлений влияют институциональные процессы. Экономическая активность коллективных и индивидуальных субъектов определяет трудовое и социальное поведение селян в социально-структурных процессах российского села. Эти явления как следствия институциональных изменений, социально-экономических условий и среды стали объектами изучения и анализа рынка труда АПК.

Такие явления, как «неаграрное трудовое отходничество» и «депрофессионализация» [9], «институциональные ловушки» [15] и «симбиоз хозяйственных укладов» [43] определили этапы функционирования и изменения аграрного рынка труда. «Институциональное давление» как регулятор новых образцов поведения [49], «программа ЛПХ» как самоопределение выживания и технологии ведения хозяйства [30], «изменения концентрации и уровня занятости в отраслях АПК», основанные на потребности в рабочей силе [21], сопровождают методологический анализ трансформации аграрного рынка труда. Показаны причины, условия и последствия развития сельских территорий.

Большой вклад внесли в исследования российской деревни исследователи, представившие результаты общего анализа аграрных преобразований в постсоветский период (акционирование сельскохозяйственных предприятий, приватизация земли, становление и развитие фермерства, формирование агрохолдингов, аграрная политика), что кардинально изменило аграрный рынок труда [9; 14; 15; 27; 32; 45; 36]. Социокультурные и экономические процессы сельских территорий как географического пространства, состояние и развитие на них аграрных субъектов рассматриваются в работах географов и экономистов-аграриев [6; 7; 26; 42].

Школа крестьяноведения Т. Шанина стала явлением в аграрной социологии, где ценностные измерения и проблема культурно-цивилизационного транзита российской деревни стали основными исследовательскими детерминантами в условиях трансформации государства [35; 46]. Впоследствии его ученики на основе методологии «двойной рефлексивности», объединяющей качественно-количественный интерфейс и методы вживания в сельскую среду, провели исследования в различных регионах [10; 28; 43].

Аграрная социология выросла из осознания актуальности сельской проблематики, присущей социальной истории России. Её формирование ведёт отсчёт со времён научной и организационной деятельности А. Чайнова [1]. В 1970-е гг. мощный исследовательский импульс, толчок к методологическим разработкам аграрной проблематики советской деревни дали сибирские учёные во главе с Т. И. Заславской [19].

Исследования были нацелены на программу развития советского села, ибо уже в 1960–70 гг. наблюдался рост миграции сельского населения в города.

В дальнейшем исследовательскую традицию новосибирской школы продолжили З. Калугина с коллегами и воплотили её в работах, посвящённых исследованию трансформации российского села в рыночных условиях. Развитие и состояние сельских территорий на примере Новосибирской области [16] рассматриваются на основе географической концепции эволюции сельской местности Т. Нефедовой [26], которая состоит из пяти стадий и соответствует этапам урбанизации сельской территории.

По мнению авторов, «сельское развитие Новосибирской области соответствует среднеурбанизационной стадии. Для него также характерны зональная дифференциация развития территорий, стягивание производства и населения к мегаполису» [16, с. 39]. Эти процессы детерминируют состояние рынка труда с низкой зарплатой работников предприятия, отсутствием квалифицированных кадров, слабым менеджментом, недооценкой рабочей силы и являются мощными «выталкивающими» факторами. «Ситуация усугубляется дисперсностью сельского расселения, порождающей анклавизацию сельского рынка труда. При этом для сельского рынка труда характерна застойная безработица с высокой долей молодёжи» [16, с. 44]. В этих условиях основным источником дохода для сельских жителей стали личное подсобное хозяйство (ЛПХ) и социальные пособия.

Таким образом, кризис формального сектора, вызванный аграрными реформами, расширил сферы занятости в неформальном секторе, что определяет «институциональные ловушки», которые рассматриваются З. Калугиной как «обусловленное институциональными преобразованиями устойчивое существование неэффективных норм поведения, которые, в свою очередь, поддерживают устойчивое существование неэффективных общественных институтов» [15, с. 266]. К таким «ловушкам» относятся «мелкотоварное производство», «хроническая убыточность сельскохозяйственных предприятий», «низкая цена труда и сельская бедность» [15, с. 266–268], детерминирующие функционирование аграрного рынка труда.

О. Фадеева понятие «симбиоз хозяйственных укладов» использует как методологическое сопровождение анализа институциональных трансформаций АПК и его рынка труда, что выявило мотивации, модели экономического и трудового поведения селян, обусловленных рациональными практиками взаимодействия с формальными институтами (сельхозпредприятиями). В их основе находятся заданные рынком «отношения собственности, нацеленные на максимизации доходов и эффективного использования ресурсов» [43, с. 99]. Автор, рассматривая эти модели взаимодействия, дифференцирует их на: 1) «паразитический симбиоз», когда из-за отсутствия нормальной системы оплаты наёмного труда для привлечения ресурсов введения ЛПХ селянин осуществляет бесконтрольный переток ресурсов из предприятия [43, с. 103]; 2) «паритетный

симбиоз» – модель взаимодействия, основанную на учёте интересов субъектов хозяйствования в рамках корпоративно-патерналистских, семейно-потребительских, семейно-предпринимательских укладов и характеризующуюся частичным переходом от раздаточных механизмов к рыночным [43, с. 106]; 3) «корпоративно-предпринимательский» уклад, основу которого составили реально реорганизованные коллективные хозяйства и вновь созданные вертикально интегрированные структуры – агрохолдинги, а также выдержавшие конкуренцию фермерские хозяйства». Они «нацелены не на выживание, а на развитие, подразумевающее получение прибыли, расширение и повышение эффективности и продуктивности производства с целью завоевания рынка» [43, с. 119].

В монографии П. Великого, изданной по результатам исследований по проектам РГНФ 2003–10 гг., анализируются итоги аграрных реформ за 20 лет [9]. Состояние аграрного рынка труда и его перспективы демонстрируются через разработанную методологию типологии сельских поселений, дифференцированных на три типа сельских сообществ [9, с. 75–76]. Главными критериями являются индикаторы, характеризующие социально-демографический состав и уровень его способности к воспроизводству, состояние человеческого капитала, экономическое состояние хозяйств разного профиля, что стало методологическим сопровождением анализа процессов на аграрном рынке труда и прогноза дальнейшего развития сельских поселений.

Адекватность индикаторов формирования типологий состояния сельских территорий подтвердилась результатами экспертного опроса. По мнению опрошенных, выявились три типа сельских сообществ: первый – благополучные в отношении воспроизводства человеческого капитала и экономически устойчивые хозяйства – набрал не более 1%. Второй тип – несбалансированное в социально-демографическом отношении поселение – составил 60%. Третий тип – неблагополучный по всем критериям – 39% [9, с. 78].

Автор отмечает, что «признак людности» и благополучный «демографический состав» могут сопровождаться другими неблагоприятными институциональными процессами, например, отсутствием в течение долгого времени хозяйствующего субъекта. И даже в случае возникновения многопрофильного производства на селе как условия создания предпосылок стабильности жизни в идеальном варианте можно принять, но в обозримом будущем никакой надежды на его реализацию нет» [9, с. 76].

П. Великий подчёркивает, что реформы рыночной экономики не предусматривали решение главного вопроса жизни селян – занятости для всех категорий трудоспособного населения. Рынок не принял селян, их выживание было построено на самообеспечении. Это ключевой момент того, как менялся мир сельского пространства, и важнейшая характеристика условий процесса адаптации селян. Следствием стал ответ-вызов: по данным социологического опроса, 70% селян не хотят работать в сельском хозяйстве [9, с. 118], но в условиях рыночных преобразований в российском варианте они продолжили вести привычный

образ жизни в основном из-за отсутствия опыта рыночных практик трудового поведения [9, с. 155–158]. Вот типичное объяснение бывших сельских тружениц: *«Мы наработались и к тому же почти бесплатно»* [9, с. 119]. Автор приводит интервью различных слоёв селян и многолетний уникальный дневник селянки, пытавшейся в этих условиях адаптироваться (2003 г.): *«Всё отмирает в деревне. ...Колхоз наш, наверное, рухнет. Не платят зарплату с мая месяца, техника ломается. Опять поставили нового директора. Два кармана набили – теперь третий...»*. И все последующие 7 лет та же ситуация. Она изменилась, когда пришёл частный инвестор [9, с. 155–158].

Исследования в других регионах наглядно демонстрируют эти типичные формы организации работы сельхозпредприятий, состояние рынка труда и трудового поведения большинства селян: *«И работы нет, совершенно. Всё распродали, разрушили. Консервный завод продали, сада нету, мельницы продали. Кирпичный завод разрушили. Утятник был, курятник был – ничего не осталось. Овчарня была большая – сейчас нету. И людям негде работать... Он всё кряду продаёт. Вот, пионерский лагерь продал»*. [12, с. 87–88]. *«Председатель колхоза всё продал и уехал»*, *«Не было хозяина, руководству было выгодно самому обогатиться, о людях никто не думал»* [43, с. 109]. Эти условия были не только продолжением привычного образа жизни, но и надеждой, ожиданием на лучшие перемены в селе.

Данные процессы и обусловили феномен неаграрного отходничества. П. Великий один из первых обратил внимание на данный процесс как новый тип трудового поведения селян, получивший широкое распространение на рынке труда АПК: работа в несельскохозяйственных отраслях, вахтовым методом в крупных городах – Москве, Санкт-Петербурге [8].

Анализируя сложившуюся социальную структуру на аграрном рынке труда, П. Великий отмечает, что её частично можно описать в терминах неовебериянской модели. Советская типология рабочего класса и крестьянства не соответствует современным реалиям из-за статусной декомпозиции практически всех групп сельского населения [9, с. 252–253]. Методологически рефлексировав, автор приходит к выводу, что основополагающие понятия и терминологию в аграрной социологии необходимо привести в соответствие с их современными значениями и смыслами, сделать адекватными целям их использования в новых условиях. Поэтому понятия «крестьяне», «личное подсобное хозяйство», «крестьянское хозяйство» автор обозначает как «потерявшие органическую связь с содержанием этих объектов познания» [9, с. 226–231].

Институционализируемая советская профессиональная структура села – это зоотехники, агрономы, пастухи, чабаны, гуртоправы, доярки, телятницы и др., жившие своей жизнью, конструировавшие повседневную жизнь и биографии миллионов селян российской деревни как явления. Сегодня они уходят [21]. На смену им приходят феномены «раскрестьянивание», «неаграрное отходничество», «миграция», «латифундия», «цифровизация», «менеджеры», «предприниматели»,

«операторы». Эти понятия как новые ценности социальной и трудовой практики в рыночных условиях, присутствуя в реальности, объективировались и стали вызовом на рынке аграрного труда.

Города выступили центром притяжения и социального успеха для большинства селян, способом «продвижения к желанному месту в социальном пространстве в лабиринтах социальной структуры» [13]. Несмотря на тяжёлые условия быта бывших селян в городах (коммуналка или койко-место в общежитии), зарплата у них стала в разы или в десятки раз больше. Они почувствовали живые деньги, то, чего не было у них, когда они годами работали на сельхозпредприятиях. Это стало вызовом-ответом на действия аграрных институтов и рынка труда (агрохолдинги, латифундии и т. д.).

«Итак, русское крестьянство сегодня уходит. Прячется. Крестьянство завершает свой цивилизационный маршрут вместе со своей оснасткой» [10, с. 30]. Так В. Виноградский констатирует «голосами снизу», нарративами селян своё авторское видение новой социальной реальности российского села на основе 30-летних исследований. Автор, применяя феноменологический подход и качественные методы – глубокие интервью сельских жителей и включённое наблюдение в различных регионах РФ – обогащает информацией процессы, происходящие на рынке аграрного труда.

Целью работы, по заверению автора, было «увидеть, зафиксировать и понять движущуюся материю крестьянской повседневности. Запечатлеть и сохранить подробности и детали крестьянских социальных миров...», которые «бесповоротно и окончательно уходят с цивилизационной сцены. Пристально наблюдая за деревней, приходится констатировать, что минувшие десятилетия – это последняя осень корневого русского крестьянства. Разумеется, она наступила не вдруг. Для такого поворота событий существует объективная социально-историческая основа. Просто пришло время. ... Деревня понемногу испаряется с демографической карты» [10, с. 30].

Автор, анализируя нарративы селян, приходит к выводу о капитальном разрушении форм и параметров традиционного сосуществования, когда ценности рационализма и прагматизма стали основными факторами влияния на деревенские жизненные практики: «... растерянность перед жёсткой новизной рыночных отношений. Разорванность нынешних соседских связей..., что указывает на некие существенные сдвиги, произошедшие в нынешней деревенской жизни. А именно: человеческие связи рвутся, распадаются. И в труде, и в соседском общении, и в быту» [11, с. 147–148; 12, с. 147–148]. Эти процессы на основе трансформации сознания и ценностей, конструирующих индивидуальность, автор наглядно и достоверно передаёт через «уникальное интервью» свидетельства процесса возникновения другого сельского человека, которого сразу и не заметили. Каждое слово респондента несёт глубокую смысловую нагрузку происходящих событий. «... Так что не успел я оглянуться, молодёжь выросла, поднялась на ноги, начала заниматься своими жиз-

нями. Она цепляется за жизнь, эта молодёжь, но мне в этой ихней жизни уже нет места. Нет тёплого и удобного места! И вот я сижу и думаю: “О-о, ё-моё, я ещё толком не жил, а уже оказался не у дел!” Меня уже потихоньку из нынешних связей и знакомств оттесняют. Время пришло – и меня на обочину выкидывают. И не люди это делают, а время. Время, которое сменилось...». Далее он рассуждает о современном поколении: «Мы дрались край на край. А сейчас не дерутся, более культурно всё. Но всё это как-то холодно, расчётливо» [11, с. 150–151; 12, с.150–151]. Таким образом, смена акторов, выражающаяся в том, что одного актора с традиционным сознанием, с системой психологических, экономических и социальных отношений сменяет другой актер со своей культурой производства, потребления и образцов социального поведения.

Поэтому «в перестроечный и постперестроечный периоды обнаружилось, что ортодоксальные рецепты либерализации села, связанные с рыночной реорганизацией колхозов и насаждением за их счёт крестьянско-фермерских хозяйств, не срабатывают, потому что село к этому времени оказалось фатально раскрестьяненным и бюрократизированным» [28, с. 244].

Тем не менее, по мнению Д. Б. Эпштейна, «в 90-е годы, в период общего падения в сельском хозяйстве, в отличие от других городских отраслей, его работники в меньшей доле покидали место проживания и работы. Сохранялись кадры руководителей и работников, способных поднимать отрасль» [48, с. 13], что обусловило опережающий рост сельского хозяйства по сравнению с другими отраслями [48, с. 4]. Это позволило некоторым региональным властям, например, в Белгородской области, использовать местные ресурсы для модернизации АПК [33, с. 4–7].

И даже в этом случае, когда в 2000-е гг. Белгородскую область также затронули процессы миграции и отходничества, «заявленная потребность в работниках превышала общую численность сельских безработных в 1,7 раза». В целом в 2012 г. около 6 млн селян не работают и не ищут работу. В 18 субъектах РФ заявленная потребность в работниках больше численности зарегистрированных безработных в 2–3 раза» [44, с. 254]. Исследования, проведённые в сёлах на юге РФ в 2018 г. (в Калмыкии, Астраханской и Волгоградской области, Ставропольском крае), выявили, что только 5–7% селян работают в сельскохозяйственных предприятиях [23, с. 137].

Рассмотрим исследование на примере Белгородской области. С основной задачей этого методологически грамотного исследования с «эмпирическим доказательством теоретической модели институциональных изменений» успешно справился коллектив НИУ ВШЭ под руководством проф. А. Эфендиева, уделив «особое внимание ... взаимодействию ценностно-культурных и принудительно-практических механизмов в процессах институциональных изменений» [49, с. 69, 72].

Сконструированная теоретическая модель институциональных изменений стала методологическим сопровождением анализа влияния институтов на социальные практики и поведение селян в современных

процессах, которая была апробирована, доказана на панельных эмпирических исследованиях. «Результаты исследований утверждают, что действия индивида определяются не столько его внутренними установками и предпочтениями, сколько массовыми практическими стандартами поведения, требованиями и ограничениями, налагаемыми на индивида извне, со стороны институциональной среды» [50, с. 99].

Методологические установки и эмпирические результаты данного исследования стали ответом на вопрос в дискуссии других исследователей, почему рынок не принял селян [9, с. 81].

Результаты указанного исследования показывают, как трансформирующее российское АПК с регулируемыми институциональными условиями и средой оказывают на селян давление, характеризуемое как «способность принудить актора к выполнению ожидаемых правил игры» [49, с. 70]. Они оказывают влияние на взаимодействие разных социальных групп, различающихся своими интересами и ресурсной обеспеченностью.

Авторы приходят к выводу, что «в результате упразднения колхозного производства и создания агрохолдингов коренным образом преобразовалась социальная структура. Доля сельских жителей, занятых в сфере аграрного производства, резко сократилась (с 69% трудоспособного населения в 2000 г. до 28% в 2013 г.). Увеличилось число лиц, занятых на предприятиях в городе – до 16% трудоспособного населения. Произошёл рост работников бюджетной сферы и коммерческих предприятий несельскохозяйственного профиля. Сформировался слой индивидуальных предпринимателей (около 6% трудоспособных селян). Социальная гомогенность российского села ушла в прошлое. Изменился уровень материальной обеспеченности. Семьи, обладающие необходимыми санитарно-бытовыми условиями, централизованным отоплением, легковыми автомобилями, стали массовым явлением» [49, с. 72]. Результаты анализа исследований на российской выборке подтверждают эти данные [21].

Сконструированные переменные, измеряющие установки селян по отношению к дисциплинарным практикам, показали «снижение распространённости негативных социальных практик. Возникла новая трудовая институциональная среда, обеспечившая высокий контроль над дисциплиной работника и преодоление хищений и пьянства» в агрохолдингах [49, с. 74].

Как трансформировались старые институты на российском селе, какие правила игры стояли за ними в условиях рыночных преобразований. Ответы на эти вопросы дают исследования В. Узуна и Н. Шагайды. Ключевой тезис, влиявший на процессы трансформации аграрного рынка труда, заключается в том, что «экономисты-аграрники тратили годы на критику проводимых реформ, но не предлагали путей адаптации системы хозяйства к новым условиям», т. к. они подходили с позиций традиционной советской плановой экономики. Перемены во внутриколхозной и внутрисовхозной организации труда практически не выходили

за пределы форм организаций, возникших ещё в начале 1930-х... [41, с. 27, 35]. Между тем требовались новые знания для разработки норм и правил перехода от плановой экономики к рыночной.

На состояние и развитие сельского хозяйства оказало влияние то, что «аграрная реформа проводилась фактически без информационной работы среди руководящих работников сельхозорганизаций, без финансовой поддержки. Постепенно реформирование как процесс сознательного преобразования аграрной сферы перестал быть приоритетом государства» [41, с. 57].

Это и обусловило неоднозначные процессы на аграрном рынке труда, при которых вузы готовят, казалось бы, достаточное количество специалистов сельского хозяйства с высшим образованием, а в АПК ощущается их острый дефицит – около 80 тыс. чел. [42, с. 16]. Большинство руководителей сельхозпредприятий до сих пор не проходят переподготовку, как показывают исследования в Сибири. Например, в Новосибирской области из 440 руководителей сельхозпредприятий четверть не имеют высшего образования (26%), а треть не имеют даже профильного (30,5%) [3, с. 30]. В результате, по истечении 10 лет реформ «субъекты политики вынуждены признать, что вместо неэффективного государственного сектора экономики после реформирования они получили неэффективный частный сектор» [15, с. 25] на рынке труда. И эту проблему надо было решать.

Поэтому государство в 2006–7 гг. в стремлении модернизации сельского хозяйства пыталось в рамках Приоритетного национального проекта (ПНП) «Развитие АПК» поддержать ЛПХ кредитными ресурсами. Какова идеология и какие цели преследовало государство, поддерживая архаичный, малоперспективный уклад? Ответы на эти вопросы дают исследования О. Оберемко из НИУ ВШЭ, проведённые в Краснодарском крае на основе качественной методологии. Методом глубинных интервью им было опрошено 70 владельцев ЛПХ, КФХ, получивших кредитную поддержку ПНП «Развитие АПК». Автор отмечает, что «от исследования, проведённого в качественной стратегии, не следует ожидать типологии, построенной на объективных основаниях, и тем более количественной оценки распространённости выделенных типов» [30, с. 8]. Тем не менее исследование отразило тенденции и направления развития ЛПХ. Эти результаты близки и коррелируют с результатами анализа исследования РМЭЗ НИУ-ВШЭ 1994–2010 гг. [22].

Пожалуй, это одна из редких работ – не клонов, где разработанный инструментарий, методология, опыт и анализ результатов исследования стали эмпирическим свидетельством влияния ценностных ориентаций на модели поведения селян в хозяйственной деятельности сельских домохозяйств на базе ЛПХ. Выявленные механизмы в технологии ведения хозяйств позволили увидеть глубину содержания процессов функционирования ЛПХ и их роль в формировании неформального сектора на рынке труда АПК. Автор на основе значимых ресурсов (экономических, социальных, человеческих, ценностно-мотивационных) конструи-

рует типологию ЛПХ как «качественно различающихся целевых групп ПНП» [30, с. 8]. На основе самоопределения интегрирующего понятия «программа» ЛПХ дифференцируются на программу выживания «надо как-то кормиться», программу семейного развития «надо детей поднимать» и программу развития бизнеса [30, с. 11]. Анализируя взаимодействия ЛПХ с сельхозпредприятиями как формального сектора с неформальным, Оберемко констатирует, что «неформальная экономика этого типа в российской деревне не только сохранилась из-за слабости формального сектора, но даже расширилась...» [31, с. 102].

По мнению С. Климовой, ПНП был также направлен на развитие «нового экономического института кредитных кооперативов, позволяющего решить проблему отсутствия денег в сельскохозяйственном производстве (особенно в мелкотоварном)» [17, с. 36]. С точки зрения В. Староверова, рассматривающего процессы раскрестьянивания как новый этап в постсоветский период, обусловленный либеральной политикой, ПНП не обошёлся без коррупционных схем [37, с. 32].

В этих условиях на тот период уже сформировался российский олигархический бизнес, который после дефолта 1998-го и девальвации рубля, изменился в пользу сельскохозяйственного производителя. Сельским хозяйством стали заниматься агрохолдинги, основанные крупными финансовыми структурами и сырьевыми компаниями, «скупающими на корню в гигантских масштабах местное сельскохозяйственное производство, ставящими под свой экономический контроль местные сельские элиты путём банкротства их предприятий или выплаты им отступного» [29, с. 278–279]. К ним присоединились сформировавшиеся к этому периоду эффективные сельхозпредприятия, оказавшиеся «на плаву», руководители которых имели опыт работы в АПК и навыки профессиональных менеджеров, что позволило им прибыльно вести бизнес.

Всего в стране на аграрном рынке насчитывается около 700 агрохолдингов [4, с. 66] с крупномасштабным производством на роботизированном, высоко технологичном оборудовании, изменивших рынок аграрного труда. Активный рост агрохолдингов в 2000-е гг. рассматривается исследователями как приоритетная задача аграрной политики в условиях импортозамещения [4; 26; 25; 43; 40]. Авторы в рамках экспертного анализа и на основе собственных эмпирических исследований акцентируют внимание на роли агрохолдингов в социально-экономической дифференциации субъектов сельскохозяйственного производства и их влиянии на трансформацию рынка труда АПК. Они, располагая разными объёмами ресурсов, отличаются по своим интересам при взаимодействии с государством.

По мнению С. Барсуковой, АПК «воспроизводит модель совхозов, но в капиталистическом варианте российских латифундий, где гигантомания сочетается с корпоративной бюрократией и индустриальной дисциплиной... Агрохолдинги активно зачищают площадку от всякой “мелочи” в виде фермерских или личных подсобных хозяйств», а их «размер бизнеса конвертируется в “весовую категорию”, определяющую

шансы на успех в переговорах с властью» [4, с. 64–65]. При этом «специфические условия отдельных регионов влияют на структуру и динамику формирования локальных рынков землепользования и, в частности, на концентрацию земли у представителей крупного агробизнеса». В 2017 г. на 49 агрохолдингов суммарно приходилось 11660 тыс. га земли. [24, с. 132, 136].

С точки зрения Д. Эпштейна, образование агрохолдингов позволило сделать существенный сдвиг в развитии сельского хозяйства – от ЛПХ потребительского типа к крупным высокотоварным хозяйствам [47, с. 278–279]. К ним можно причислить крупные рентабельные СПК и КФХ, независимые от агрохолдингов. Это обусловило сокращение импорта и рост экспорта сельскохозяйственной продукции.

Работники агрохолдингов должны владеть знаниями по цифровым технологиям, поэтому в привлечении сельского населения в качестве рабочей силы не было необходимости. Это ускорило процессы раскрестьянивания, отходничества и развития неформального сектора [21; 34; 38]. Тем не менее агрохолдинги также сталкиваются с проблемой острого кадрового дефицита [2; 20; 39]. Таким образом, эти субъекты конструируют социально-структурные процессы на аграрном рынке труда и развитие сельских территорий.

Несмотря на либеральные принципы минимального влияния государства на экономику, российское правительство максимально включилось в развитие сельского хозяйства, понимая, что это, прежде всего, национальная безопасность. Поэтому государство с 1999 г. сделало ставку на крупные агрохолдинги и стало в них инвестировать, предоставляя крупные кредитные ресурсы. По мнению вышеперечисленных исследователей, аграрная политика в настоящий период формируется лоббистами крупных агрохолдингов.

Каким же на этом фоне видится будущее российского села? Рынок труда АПК, включённый в систему производства сельских территорий, сместится в города и крупные райцентры в связи с развитием технологий сельского хозяйства и промышленной переработки сельхозпродукции. По мнению экспертов, через 15–20 лет на сельском пространстве останутся райцентры (или посёлки городского типа), где немногочисленное население вахтовым методом будет работать на полях и фермах. Создаётся новый эффективный тип аграрного производства с потребностью в кадрах в 1–1,5 млн человек. [21, с. 75].

Расчёты аграриев показывают, что замещение лиц пожилого возраста сельской молодёжью, вступающей в трудоспособный возраст в 2010 г., составило 86,8%, а к 2020 г. оно упадёт до 15% [18, с. 34]. По расчётным оценкам демографов, по пессимистическому варианту, с учётом миграции и результатов пенсионной реформы прогнозируется снижение численности трудоспособного сельского населения РФ к 2045 г. до 17,9 млн человек [5, с. 155].

Заключение

Научная значимость и ценность вышеперечисленных исследований заключается в активном участии авторов в исследовательском поле в качестве наблюдателей, интервьюеров. Поэтому их работы отличаются методологической проницательностью и выразительностью, восполняют пробелы в социологическом понимании и познании основных тенденций в развитии современной агросферы, свидетельствуют о процессах трансформации и модернизации российского села. Исследования показывают, как безвозвратно уходит старое и приходит новое, когда наряду с современными моделями производства и потребления, основанными на консьюмеристских ценностях, меняются модели социального и трудового поведения сельянина.

Методологические стратегии исследователей села опираются преимущественно на институциональные и феноменологические подходы. Институциональные процессы рассматриваются на основе изменения поведенческих практик с учётом социально-экономических познаний. Степень изученности проблемы (социологической ситуации) до построения модели анализа как гипотезы определяется данными разведки поля.

Появление новых субъектов сельхозпроизводства, несмотря на их издержки, обусловленные ограничением занятости сельян в их структурах, модернизировало АПК в отрасль российской экономики, стремящейся к мировым стандартам. Тем не менее, по мнению исследователей и экспертов, необходима взвешенная политика для обеспечения присутствия всех игроков на рынке сельхозпроизводства: как крупных, так и малых форм. Для рынка труда АПК проблема занятости сельского населения актуальна и в перспективе останется таковой. Спрос на низкоквалифицированную силу будет снижаться, а такие явления, как маятниковая миграция, отходничество в крупные города будут усиливаться. Поэтому выбор определяется дилеммой: развитие сельского хозяйства или самосохранение сельских территорий.

Результаты обзора исследовательских практик российских исследователей в области аграрной социологии показали, что в настоящий период курс государства, направленный на преобразование институтов АПК и формирование новых субъектов производства, оказался оправданным в части усиления защиты внутреннего рынка. Несмотря на различные нарушения законодательства, распространение теневых, коррупционных практик и риски адаптации сельского населения из-за трансформации социальной структуры при осуществлении аграрных реформ, были выполнены основные задачи – импортозамещение и наполнение рынка отечественной продукцией, что обусловило движение к экспортному рынку.

Критериями данной оценки послужили свидетельства модернизации сельского хозяйства и способности АПК к регулированию в условиях геополитических вызовов – международных санкций 2014 г. и события века – пандемии коронавируса. Таким образом, направление, в кото-

ром развивается сельское хозяйство и в целом АПК, имеет больше положительных сдвигов, чем отрицательных. Сельское хозяйство, на наш взгляд, направлено на модернизацию и развитие на основе технологизации и цифровизации, а не на сохранение его нынешнего состояния. Как отмечалось выше, численность занятого населения будет сокращаться из-за роста миграции сельского населения в города, а потребность в рабочей силе будет составлять 1–1,5 млн человек, что обусловлено объективными процессами развития сельского хозяйства.

Библиографический список

1. Аграрно-сельская социология: история, концепции, методология // Материалы III Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: пути взаимодействия». Секция 38 / Отв. ред. В. И. Староверов. М.: РАКО АПК, 2009. 416 с.

2. Агроном на вес золота: как решить проблему кадрового дефицита в сельском хозяйстве // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/07/25/reg-sibfo/kak-reshit-problemu-kadrovogo-deficita-v-selskom-hoziajstve.html> (дата обращения: 20.10.2019).

3. Балашов А. Руководитель сельскохозяйственной организации как особая профессия // АПК: экономика, управление. 2017. № 1. С. 28–34.

4. Барсукова С. Дилемма «фермеры–агрохолдинги» в контексте импортозамещения. // Общественные науки и современность (ОНС). 2016. № 5. С. 63–74.

5. Блинова Т., Былина С. Методологические подходы и прогнозы численности трудоспособного сельского населения России // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2019. № 3. С. 150–157.

6. Бондаренко Л. Развитие сельских территорий: оценки, мнения, ожидания // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 76–82.

7. Буздалов И. Аграрная политика: методологические основы и «особый путь» её осуществления в России // Аграрная экономическая наука: истоки, состояние, задачи на будущее / Под ред. Петрикова А. В. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова. 2015. С. 46–53.

8. Великий П. П. Неотходничество, или лишние люди деревни. // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 44–50.

9. Великий П. П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации: монография / Под ред. Ю. С. Воронова. Саратов: Научная книга, 2012. 340 с.

10. Виноградский В. Голоса снизу. Дискурсы сельской повседневности. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 320 с.

11. Виноградский В. Конец живого беспорядка // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 137–153.

12. Виноградский В. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 82–91.
13. Ильин В. Анатомия социального успеха в географическом пространстве // Телескоп. 2014. № 6. С. 29–33.
14. Ильин И. Е. Аграрная реформа в России на рубеже XX–XXI вв. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 352 с.
15. Калугина З. Рыночная трансформация аграрного сектора России. Социологический дискурс. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с.
16. Калугина З., Фадеева О. Новая парадигма сельского развития // Мир России. 2009. № 2. С. 34–49.
17. Климова С. Сельские кредитные кооперативы – между общиной и корпорацией // Социальная реальность. 2007. № 7. С. 36–52.
18. Козлов А., Панков Б., Яковлева О. Аграрный рынок труда: старые проблемы, новые вызовы // АПК: экономика, управление. 2016. № 4. С. 32–38.
19. Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Заславская Т. И., Рывкина Р. В. Новосибирск: Наука, 1980. 344 с.
20. Минаев В. Роль агрохолдингов в развитии экономик регионов России // Научный вестник Южного института менеджмента. 2018. № 2. С. 74–81. <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2018-2-74-81>
21. Муханова М. Неформальный сектор в социально-структурных процессах российского села // Общественные науки и современность (ОНС). 2019. № 2. С. 66–78. DOI: 10.31857/S086904990004397-8
22. Муханова М. Производственная деятельность и типы сельских домохозяйств (на примере личных подсобных хозяйств) // Мир России. 2013. № 1. С. 78–105.
23. Намруева Л. Взаимодействие коллективного и семейного укладов в Южнороссийских сёлах (по материалам исследования 2018 г.) // Logos et Praxis. 2019. Vol. 18. No. 2. С. 134–142.
24. Нефёдкин В., Фадеева О. Крупные землепользователи через призму региональных кейсов. 2018 // Научная электронная библиотека. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krupnye-zemlepolzovately-cherez-prizmu-regionalnyh-keysov> (дата обращения: 22.02.2020).
25. Нефедова Т. Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. Экономический журнал. 2014. № 4. С. 64–82.
26. Нефедова Т. Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. М.: Ленанд, 2013. 456 с.
27. Никольский С. Аграрный вопрос в России в XX веке. История, современное состояние, стратегии решения. Издание второе. М.: Едиториал УРСС, 2012. 136 с.
28. Никулин А. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 400 с.

29. Никулин А. Современные исследования сельской России // Мыслящая Россия. Картография современных интеллектуальных направлений / Под ред. В. Куренного. М.: Наследие Евразии, 2006. С. 273–283.
30. Оберемко О. Типология личных подсобных хозяйств в контексте нацпроекта «Развитие АПК» // Социальная реальность. 2007. № 10. С. 5–21.
31. Оберемко О. Что поддерживает ПНП «Развитие АПК», поддерживая ЛПХ? // Мир России. 2008. № 2. С. 92–107.
32. Пациорковский В. Сельская Россия: приоритеты развития. М.: Поколение, 2009. 198 с.
33. Савченко Е. Пространственное развитие сельских территорий: проблемы и решения // АПК: экономика, управление. 2018. № 11. С. 4–7.
34. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж. Тощенко. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
35. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.
36. Староверов В. И. История и теория социологического анализа агросферы. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2009. 436 с.
37. Староверов В. И. Раскрестьянивание: социолого-политический анализ // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 24–32.
38. Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
39. Трудовые мигранты в российском селе. Монография / Под ред. П. П. Великого. Саратов: Саратовский источник, 2015. 293 с.
40. Узун В. Гектаров громадьє // Агровестник. Новости АПК. 01.11.2016. URL: <https://agrovesti.net/news/indst/gektarov-gromade.html> (дата обращения 02.10.2019).
41. Узун В., Шагайда Н. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 352 с.
42. Ушачёв И., Еремеев В., Жуков Н. Сельскохозяйственные кадры: дефицит при избытке // АПК: экономика, управление. 2017. № 2. С. 16–26.
43. Фадеева О. Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию / Под ред. З. Калугиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 264 с.
44. Хагуров А. Наёмный труд в сельском хозяйстве // Наёмный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. С. 252–266.

45. Хагуров А. Социология российского села. Изд. 2-е перераб. и дополн. М.: ИС РАН, 2010. 470 с.
46. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Шанина Т., Никулина А., Данилова В. М.: МВШСЭН, РОССПЭН, 2002. С. 69–92.
47. Эпштейн Д. Б. Аграрная экономическая политика для обеспечения инновационного развития АПК // Материалы Московского экономического форума–2015. М.: ФГБНУ ВНИИСХ, 2015. С. 277–288.
48. Эпштейн Д. Б. Почему производство в сельском хозяйстве растёт быстрее промышленности и экономики в целом? // АПК: экономика, управление. 2019. № 8. С. 4–15. DOI: 10.33305/198-4
49. Эфендиев А. Г., Балабанова Е. С., Сорокин П. С. Социальные институты: опыт анализа социальных изменений сёл в Белгородской области // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 69–75.
50. Эфендиев А. Г., Гоголева А. С., Балабанова Е. С. Тенденции духовно-нравственного развития жителей сёл Белгородской области (опыт институционального анализа) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 99–109.

Статья поступила: 25.06.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Муханова Мария Николаевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.706

Review of Methodological Approaches to the Analysis of the Transformation of the Agricultural Labor Market in Modern Russia

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of a scientific project No. 19-111-50370

Maria N. Mukhanova

Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: mukhanova_m@rambler.ru

ORCID ID: 169610

For citation: Mukhanova M. N. Review of methodological approaches to the analysis of the transformation of the agricultural labor market in modern Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 195–214. DOI: 10.19181/vis.2021.12.1.706

Abstract. The article provides an overview and generalization of Russian studies of the transformation of the agricultural labor market in the post-Soviet period. Researchers of the Russian countryside reflect the obtained results in publications mainly describing the problems associated with the Russian countryside and the agricultural labor market. This is, first of all, the destruction of the rural infrastructure, poverty, unemployment, the interaction of old and new production entities (agricultural enterprises, peasant farms, private household plots and agricultural

holdings), the loss of communication between villagers and agricultural enterprises, the villagers models of social adaptation and labor behavior. These processes served as a methodological support for the analysis and empirical evidence of how consciously villagers have been changing social and labor practices under the pressure of institutional transformations and agricultural modernization. Based on the choice of rational behavioral models in the labor market, they transformed the social structure of the village under the pressure of the market economy values, new rules, norms and institutional requirements. Modern processes in the agro-industrial field in the context of the property transformation contributed to the formation of a new agrarian structure, constructed by new subjects. The new and old production subjects interact in a multi-structured economy. They are important “players” in the institutional field of the agricultural sector, thus influencing the social and structural processes in the labor market. This determined a new configuration of the social rural groups employed in the formal and informal sectors.

Keywords: Russian village, researchers, labor market, theoretical and methodological approaches, subjects of agricultural production, agro-industrial complex(AIC), social and structural processes, institutions

References

1. Agrarno-sel'skaya sotsiologiya: istoriya, kontseptsii, metodologiya [Agrarian and Rural sociology: History, Concepts, Methodology]. Moskva, 21–24 oktyabrya 2008. Materialy sektsii 38 Tret'yego Vserossiyskogo sotsiologicheskogo kongressa «Sotsiologiya i obshchestvo: puti vzaimodeystviya» Ed. by V. I. Staroverov. Moscow: RAKO APK. 2009. 416 p. (In Russ.)
2. Agronom na ves zolota: kak reshit' problemu kadrovogo deficita v sel'skom hozyajstve [Agronomist for its weight in gold: how to solve the problem of personnel shortage in agriculture]. 2018. Oficial'ny sajt Rossiyskoy gazety. Accessed 20.10.2019. URL: <https://rg.ru/2018/07/25/reg-sibfo/kak-reshit-problemu-kadrovogo-deficita-v-selskom-hoziajstve.html> (In Russ.)
3. Balashov A. The head of an agricultural organization as a special profession. APK: ekonomika, upravlenie. 2017. No 1. P. 28–34. (In Russ.)
4. Barsukova S. The farmers – agricultural holdings dilemma in the context of import substitution. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2016. No 5. P. 63–74. (In Russ.)
5. Blinova T., Bylina S. Methodological approaches and forecasts of the working age rural population of Russia. Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya. 2019. No 3. P. 150–157. (In Russ.)
6. Bondarenko L. Development of rural territories: estimates, opinions, expectations. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. No 3. P. 76–82. (In Russ.)
7. Buzdalov I. Agrarnaya politika: metodologicheskie osnovy i «osobyi put'» ee osushchestvleniya v Rossii. [Agrarian policy: methodological foundations and the “special way” of its implementation in Russia]. Agrarnaya ekonomicheskaya nauka: istoki, sostoyanie, zadachi na budushee. Ed. by A. V. Petrikov. Moscow: VIAPI imeni A. A. Nikonova. 2015. P.46–53. (In Russ.)
8. Velikiy P. P. Necessity or excess village people. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. No 9. P. 44–50. (In Russ.)
9. Velikiy P. P. Rossijskoe selo. Processy postsovet'skij transformacii. [Russian village. Post-Soviet Transformation Processes]. Saratov: Nauchnaya kniga. 2012. 340 p. (In Russ.)
10. Vinogradsky V. Golosa snizu. Diskursy sel'skoy povsednevnosti [Voices from below. Discourses of rural everyday life]. Moscow: Delo, 2017. 320 p. (In Russ.)
11. Vinogradsky V. Konec zhivogo besporiadka. [The end of a living mess]. Sotsiologicheskyy zhurnal. 2011. No 3. P. 137–153. (In Russ.)
12. Vinogradsky V. Krest'yanskiy mir v diskurse pokolencheskoy pechali [The peasant world in the discourse of generational sadness]. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. No 12. P. 82–91. (In Russ.)
13. Il'in V. The anatomy of social success in geographical space. Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. 2014. No 6. P. 29–33. (In Russ.)
14. Il'in I. Agrarnaya reforma v Rossii na rubezhe XX-XXI vv. [Agrarian reform in Russia at the turn of the XX-XXI centuries]. Cheboksary: ChGIGN publ. 2005. 344 p. (In Russ.)
15. Kalugina Z. Rynoch'naya transformaciya agrarnogo sektora Rossii Sociologicheskij diskurs. [Market transformation of the agricultural sector of Russia Sociological discourse]. Novosibirsk: IEOPP publ.. 2015. 342 p. (In Russ.)
16. Kalugina Z., Fadeeva O. Novaya paradigma sel'skogo razvitiya [A new paradigm of rural development]. World of Russia. Mir Rossii. 2009. No 2. P. 34–49. (In Russ.)

17. Klimova S. G. Sel'skie kreditnye kooperativy – mezhdru obshchinox i korporatsiy [Rural credit cooperatives – between the community and the corporation]. *Sotsial'naya real'nost'*. 2007. No 7. P. 36–52. (In Russ.)
18. Kozlov A., Pankov B., Yakovleva O. The agricultural labor market: old problems, new challenges. *APK: ekonomika, upravlenie*. 2016. No 4. P. 32–38. (In Russ.)
19. Metodologiya i metodika sistemnogo izucheniya sovetskoy derevni. [The methodology and methodology of a systematic study of the Soviet village]. Ed. by T. I. Zaslavskaya, R. V. Ryvkina. Novosibirsk: Nauka, 1980. 344 p. (In Russ.)
20. Minaev V. Rol' agroholdingov v razvitiy ekonomik regionov Rossii. [The role of agricultural holdings in the development of economies of the regions of Russia]. *Nauchny vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta*. 2018. No 2. P. 74–81. (In Russ.)
21. Mukhanova M. N. The informal sector in the socio-structural processes of the Russian village. *Obschestvennyye nauki i sovremennost'*. 2019. No 2. P. 66–78. DOI: 10.31857/S086904990004397-8 (In Russ.)
22. Mukhanova M. N. Production activities and types of rural households (on the example of personal part-time farms). *Mir Rossii*. 2013. No 1. P. 78–105. (In Russ.)
23. Namruyeva L. Vzaimodeystviye kollektivnogo i semeynogo ukladov v Yuzhnorossiyskikh selakh (po materialam issledovaniya 2018 g.) [Interaction of collective and family patterns in South Russian villages (based on a 2018 study)]. *Logos et Praxis*. 2019. Vol. 18. No. 2. P.134–142. (In Russ.)
24. Nefedkin V., Fadeyeva O. Krupnyye zemlepol'zovateli cherez prizmu regional'nykh keysov. [Large land users through the prism of regional cases]. *Ofitsial'nyy sayt Nauchnoy elektronnoy biblioteki*. 2017. Accessed 22.02.2020. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krupnye-zemlepolzovateli-cherez-prizmu-regionalnyh-keysov> (In Russ.)
25. Nefedova T. Agropromyshlennaya kontsentratsiya v rossiyskikh regionakh [Agro-industrial concentration in the Russian regions]. *ECO. Economicheskij zhurnal*. 2014. No. 4. P. 64–82. (In Russ.)
26. Nefedova T. Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoy Rossii: otvety geografa. [Ten topical questions about rural Russia: the answers of the geographer]. Moscow: Lenand. 2013. 456 p. (In Russ.)
27. Nikol'skiy S. Agrarnyy vopros v Rossii v XX veke. Istoriya, sovremennoye sostoyaniye, strategii resheniya. *Izdaniye vtoroye*. [The agrarian question in Russia in the twentieth century. History, current status, decision strategies. Second Edition]. Moscow: URSS. 2012. 136 p. (In Russ.)
28. Nikulin A. Agrarniki, vlast' i selo: ot proshlogo k nastoyashchemu. [Farmers, power and the village: from the past to the present]. Moscow: Delo. 2014. 400 p. (In Russ.)
29. Nikulin A. Sovremennyye issledovaniya sel'skoy Rossii [Modern studies of rural Russia]. *Myslmaschaya Rossiya. Kartografiya sovremennykh intellektual'nykh napravleniy*. Ed. by V. Kurennoy. Moscow: "Naslediye Evrazii". 2006. P. 273–283. (In Russ.)
30. Oberemko O. Tipologiya lichnykh podsobnykh khoziaystv v kontexte natsproyekta "Razvitiye APK" [Typology of personal part-time farms in the context of the national project "Development of the agro-industrial complex"]. *Sotsial'naya real'nost'*. 2007. No 10. P. 5–21. (In Russ.)
31. Oberemko O. Chto podderzhivaet PNP «Razvitiye APK», podderzhivaya LPH? [What supports the PNP "Development of the agro-industrial complex", supporting personal part-time farms?]. *Mir Rossii*. 2008. No 2. P. 92–107. (In Russ.)
32. Patsiorkovskiy V. Sel'skaya Rossiya: prioritety razvitiya. [Rural Russia: development priorities]. Moscow: Pokolenie. 2009. 198 p. (In Russ.)
33. Savchenko E. Prostranstvennoye razvitiye sel'skih territoriy: problemy i resheniya [Spatial development of rural territories: problems and solutions]. *APK: ekonomika, upravlenie*. 2018. No 11. P. 4–7. (In Russ.)
34. Smysly sel'skoy zhizni (Opyt sociologicheskogo analiza). [The meanings of rural life (Experience in sociological analysis)]. Ed. by Zh.T. Toschenko. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2016. 368 p. (In Russ.)

35. Sovremennoe krest'yanovedenie i agrarnaya istoriya Rossii v XX veke. [Modern peasant studies and the agrarian history of Russia in the twentieth century]. Ed. by V. V. Babashkina. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2015. 743 p. (In Russ.)
36. Staroverov V. I. Istoriya i teoriya sotsiologicheskogo analiza agrosfery. [History and theory of sociological analysis of the agricultural sphere]. Moscow: RIC ISPR RAS publ., 2009. 436 p. (In Russ.)
37. Staroverov V. I. Raskrest'yanivanie: sotsiologo-politicheskiy analiz [Peeling: sociological and political analysis]. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. No 4. P. 24–32. (In Russ.)
38. Toschenko Zh.T., Velikiy P. P. The main meanings of the life world of rural residents of Russia. Mir Rossii. 2018. Vol. 27. No 1. P. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33 (In Russ.)
39. Trudovye migranty v rossiyskom sele. [Migrant workers in a Russian village]. Ed. by P. P. Velikiy. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2015. 293 p. (In Russ.)
40. Uzun V. Gektarov gromad'e [Hulk of Hektars]. Official web portal of Agrovestnik. Accessed 02.10.2019. URL: <https://agrovesti.net/news/indst/gektarov-gromade.html> (In Russ.)
41. Uzun V., Shagayda N. Agrarnaya reforma v postsovetsoy Rossii: mekhanizmy i rezul'taty [Agrarian reform in post-Soviet Russia: mechanisms and results]. Moscow: Delo, 2015. 352 p. (In Russ.)
42. Ushachev I., Ereemeev V., Zhukov N. 2017. Sel'skohozyajstvennyye kadry: deficit pri izbytkе [Agricultural personnel: deficit with excess]. APK: ekonomika, upravlenie. No 2. P. 16–26. (In Russ.)
43. Fadeeva O. Sel'skie soobshchestva i hoziaystvennyye układy: ot vyzhivaniya k razvitiyu [Rural communities and economic structures: from survival to development]. Ed. by Z. Kalugina. Novosibirsk: IEOPP publ., 2015. 264 p. (In Russ.)
44. Hagurov A. Nayomny trud v sel'skom hoziaystve [Wage labor in agriculture]. Nayomny rabotnik v sovremennoy Rossii [Wage worker in modern Russia]. Ed. by Z. T. Golenkova. Moscow: Novy khronograf, 2015. P. 252–266. (In Russ.)
45. Hagurov A. Sotsiologiya rossiyskogo sela. Izd. 2-e pererab. i dopoln. [Sociology of the Russian village]. Moscow: IS RAS publ., 2010. 470 p. (In Russ.)
46. Shanin T. Metodologiya dvoynoy reflektivnosti v issledovaniyah sovremennoy rossiyskoy derevni [The methodology of double reflexivity in the research of the modern Russian village]. Refleksivnoe krest'yanovedenie: Desyatiletie issledovaniy sel'skoy Rossii. Ed. by T. Shanin, A. Nikulin, V. Danilov Moscow: MHSSES, ROSSPEN, 2002. P. 69–92. (In Russ.)
47. Epshteyn D. B. Agrarnaya ekonomicheskaya politika dlia obespecheniya innovatsionnogo razvitiya APK [Agricultural economic policy to ensure the innovative development of agribusiness]. Agroproduktov'nyy sektor Rossii v usloviyah sankciy: problemy i vozmozhnosti. Moscow: VNIISKh, 2015. P. 277–288. (In Russ.)
48. Epshteyn D. B. Why is production in agriculture growing faster than industry and the economy as a whole. APK: ekonomika, upravlenie. 2019. No 8. P. 4–15. DOI: 10.33305/198-4 (In Russ.)
49. Efendiev A. G., Balabanova E. S., Sorokin P. S. Social institutions: the experience of analyzing social changes in villages in the Belgorod region. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2016. No 12. P. 69–75 (In Russ.)
50. Efendiev A. G., Gogoleva A. S., Balabanova E. S. Trends in the spiritual and moral development of the inhabitants of the villages of the Belgorod region (experience of institutional analysis). Sotsiologicheskie issledovaniya. 2017. No 12. P. 99–109. (In Russ.)

The article was submitted on: June 25.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria N. Mukhanova, Candidate of Sociological sciences, Senior Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia